

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛЮ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

10. Ч.А.Стори, Персидская литература. Био-библиографический обзор. В трех частях. Ч.П, М., 1972, № 690; С.А.Азимджанова. Государство Бабура в Кабуле и Индии. М., 1977, с. 7-9.

Н.Н.Туманович

УПОМИНАНИЕ МОСКВЫ В ПОЭМЕ МАИЛА

В распоряжении советского исследователя немало свидетельств пристального внимания русских людей XVI-XVII вв. к странам Средне-го Востока: дневники путешествий, описание посольских приемов, отчеты и донесения торговых агентов. Внимание это в значительной мере объяснялось географическим положением России и ее экономическими интересами. Казалось бы обоюдная выгода от торговли и общие границы должны были стимулировать проявление встречного интереса к Московской Руси, например, в Иране. Но при ближайшем знакомстве с литературой предмета выясняется, что почти все имеющиеся источники - русского происхождения, тогда как иранские придворные хроники лишь мимоходом упоминают о появлении русских людей в столице Сефевидов Исфахане. Столь же скупы географические известия о Руси. (При этом не исключено, что в эти разделы в течение продолжительных периодов не вносили новых данных, а переписывали старые из сочинения в сочинение). В результате сложившегося положения с источниками мы пока не можем сказать какой представляли себе Московскую Русь иранцы той эпохи. Более того, молчание иранских авторов по этому поводу ставит вопрос в иную плоскость: а знали ли за пределами столицы иранцы даже с высоким образовательным цензом о самом существовании Московского государства.

Вышеизложенное, на наш взгляд, убеждает в том, что любые сведения персоязычного источника о Руси могут дать пищу для наблюдений историко-культурного плана. Вот почему встреченное нами единичное упоминание топонима Москвы в поэме гератца XVII в. мы считаем необходимым подробно рассмотреть по крайней мере в трех аспектах: кем был автор поэмы, в каких исторических условиях была она написана и что из себя представляет самый контекст, где встретилось столь редкое для персидских рукописей географическое наименование.

Имя нашего автора Мухаммад Аршад Барнабади. Биографические сведения о нем скудны, хотя один из его потомков, носивший сходное имя Мухаммад Риза Барнабади, в начале XIX в. составил "Памятные записки", специально посвященные прославлению рода в целом и отдельных наиболее талантливых его представителей, в частности ¹. В этих мемуарах названы годы жизни Мухаммада Аршада: 1616-1703, перечислены его работы по благоустройству родового гнезда, отмечено, что как поэт он пользовался известностью и носил поэтическое прозвание Маил.² Более полное представление о его личности можно получить из стихотворений самого Мухаммада Аршада, цитирующихся на страницах "Памятных записок". Немаловажные материалы дает изучение этих мемуаров в целом.

Мухаммад Аршад был старшим представителем шестого поколения рода, основатель которого осел в Барнабаде еще в начале XV в. Сознательная жизнь Мухаммада Аршада падает на три четверти XVII в., когда барнабадцы заняли прочное место среди провинциальной духовно-землевладельческой аристократии, благодаря чему получали хорошее образование и были тесно связаны дружественными и родственными узами с элитой гератской провинции. В качестве духовного наставника и попечителя при гробнице покровителя рода Мухаммад Аршад в быту руководствовался сложившимися устоями ревнителя мусульманского культа, в том числе совершил паломничество в Мекку. При внешнем аскетизме и невмешательстве в государственные дела Герата он пользовался заметным влиянием в беглербекстве и даже получил официальное предложение войти в состав провинциальных властей. (Речь шла, видимо, о заведовании каким-то ведомством).

Мухаммад Аршад был человеком разносторонне одаренным. В "Памятных записках" говорится о его музыкальности, каллиграфическом искусстве, которым он владел на уровне профессионала, занимаясь этим делом с юных лет до глубокой старости, т.е. примерно в течение 70 лет. Переписанные его рукой списки Корана продолжали храниться в родовой библиотеке Барнабада и после кончины Мухаммада Аршада, ибо они представляли большую художественную ценность.

Диван его произведений, насчитывающий примерно десять тысяч строк включал разные виды стихотворений. Ему были доступны и панегирические оды (касыды) и философские раздумья о смысле жизни (масневи) и лирические строфы (газели) и динамичные четверостишия (рубай) и короткие экспромты (кыта).³ Поэтический талант его проявился рано. Во время посещения Герата шахом Сефи I⁴ в 1634 (или 1638) году ему была поднесена касыда, написанная Мухаммадом Аршадом. Глава гератских поэтов Фасихи обратил внимание на "юное

дарование" и поощрял Мухаммада Аршада, наставлял его и как бы передавал ему эстафету стихотворчества. Сам Мухаммад Аршад в возрасте примерно 20 лет был весьма высокого мнения о своем даровании. В касиде, восхваляющей шаха Сефи он пишет:

Если я пожалуюсь тебе, то не зря:

Пусть у меня нет денег, но зато множество талантов;

Хотя я сын крестьянина, но моя драгоценная сущность исполнена всех достоинств горожанина⁵

Каждая фаланга моих пальцев - ключ к искусству.⁵

Каллиграфическое и поэтическое наследие Мухаммада Аршада еще ожидает своего исследователя. Имя его не забыто не только в кругу продолжателей его рода, но и составителями антологий, которые называют Маила наряду с другими знаменитыми гератцами.⁶

Мухаммад Аршад упоминает о Москве в масневи "Абр-и гаухарбар" ("Облако, изливающееся дождем драгоценных камней"), которое по мнению специалистов-литературоведов является его лучшим поэтическим творением.⁷ Это суждение основано на том, что и формой и стилем масневи удовлетворяло утонченным вкусам эпохи; в поэме использовалась популярная рамочная композиция, ее образы, язык, стиль привлекали изяществом. Продуман и размер поэмы - 142 бейта - достаточно для подробного изложения фабулы и в то же время не утомительно для читателя, декламатора или слушателя. Основное содержание произведения - занимательные приключения. Эпизод, где говорится о Москве - узловой момент сюжета: во время бури на пути в Москву герой пытается спасти тонущего сына, смытого волной в море, но вытаскивает на борт потерпевшего кораблекрушение другого юношу. Этим примером автор подкрепляет основную мысль, пронизывающую масневи - тему судьбы.

Время написания масневи можно установить приблизительно по косвенным данным. В поэме отражены настроения зрелого человека, испытавшего горькие разочарования в жизни. Видимо устами ее героя говорит автор, который судя по "Памятным запискам" долгие годы безуспешно ждал наследника-сына. Наиболее вероятно, что сочинение было создано им в возрасте лет за тридцать - тридцать пять, скорее всего во второй половине XVII в.

Остановимся на том, какие реальные сведения о городе Москве и Московском государстве лежат в основе беглого упоминания заинтересовавшего нас.

Известно, что русское посольство побывало в Герате с 9 сентября 1464 по 23 августа 1465 года.⁸ Тогда Герат был столицей государства Тимуридов. Во времена сменившей их династии Сефевидов

особенно при Султан-Мухаммаде Худабанде (1578-1587 гг.) и его сыне Аббасе I (1587-1629 гг.) Московское государство регулярно обменивалось торговыми и дипломатическими посольствами и миссиями с Ираном. Представители Московского государства приезжали в тогдашнюю столицу Ирана, которая в течение XVI в. переносилась трижды (Тебриз, Казвин и Исфаган поочередно были резиденциями шахского двора). О приезде купцов или иных "московских гостей" становилось известно и в других городах государства Сефевидов. Герат же в XVI веке оказался в особом положении: из столицы он сделался пограничным городом, из-за которого на протяжении всего столетия шла острая борьба между государством Шейбанидов Средней Азии и Ираном. В последнее десятилетие XVI в. Герат оказался под властью среднеазиатских ханов, но с начала XVII в. мы можем говорить о том, что этот город прочно вошел в состав иранского государства Сефевидов.

К началу XVII в. - периоду правления шаха Аббаса I относятся меры правительства, направленные на расширение торговых связей Ирана. Эти меры основательно затронули и Гератскую провинцию. Здесь было заметно расширено или вновь освоено выращивание технических культур - опийного мака, табака, тутовника. В целях бесперебойной торговли проложена так называемая "царская дорога", связавшая Герат с Астрабадом. Путь этот был известен давно, но пришел в запустение из-за междоусобий предшествующего времени. В первой трети XVII в. набеги кочевников и феодальные распри удалось пресечь, и на дороге на расстоянии одного перехода каравана, т.е. через каждые примерно три фарсаха (20-25 км) устроены стоянки с каравансараями и водоемами. Об основательности сооружений на этом пути говорит тот факт, что ряд каравансараяв и водоемов продолжал функционировать еще и в XIX в., о чем писали европейские путешественники, посетившие эти края.

Дорога на Астрабад прочно связала Герат с берегом Каспийского моря, откуда открывался путь в Астрахань, бывшую в тот период крупнейшим узлом волго-каспийского торгового пути, контролировавшегося московскими воеводами. При этом караванный путь по суше занимал недели, а водный путь до цели путешествия - Макарьевской ярмарки, находившейся на средней Волге, - иногда месяцы, был непривычен и опасен для уроженцев Хорасана, главным городом которого тогда считался Герат. Учитывая эти обстоятельства, становится понятным, почему поэт Маил, описывая катастрофу на море, подразумевал именно Каспийское.

По налаженному таким образом пути в Герат поступали товары из Московского государства и из среднеазиатских ханств, ибо тра-

диционные связи с Бухарой и Самаркандом через Термез и Балх оказались перерезанными в силу постоянных междоусобий в этом регионе. Для гератца ХУП в. Москва представлялась дальним пунктом торговли коврами, шелками и др. товарами. Истати, Мухаммад Аршад Барнабади как крупный землевладелец охотно откликнулся на поощрительные меры правительства и значительно расширил тутовые плантации в своем имении. Совершенно ясно, что он рассчитывал на получение прибыли от торговли шелком, прикидывал куда и как он будет сбывать продукцию. Это, конечно, не означает, что он непосредственно торговал с Москвой, но он не мог не знать о том, что часть гератских товаров время от времени достигали ее. Именно поэтому его поэтическое воображение подсказало ему назвать в своем масневи Москву - крайнюю северо-западную точку гератской торговли.

-
1. "Памятные записки" хранятся в Отделе рукописей ЛО ИВАН под шифром С 402.
 2. Об известности Маила говорит и тот факт, что в библиотеке "Астана" в Мешхеде есть рукопись его стихотворений.
 3. Один диван стихов Маила был утрачен во время его паломничества в Мекку. С другим, переписанным в 1771 г. одним из потомков автора Мухаммадом Махди Барнабади имел возможность познакомиться, афганский автор М.Харави, о чем он сообщает в книге: *Mirzae of Barnabad. Biography and literary works of an artist family in Poshang (9-th c.H. - 13-th century H.)* на персидском языке, с. 42.
 4. Годы его правления - 1629-1642.
 5. "Памятные записки", л. 14а.
 6. Например, антология "Асар-и Харат".
 7. Такого мнения придерживаются Гулчин Маани и М.Харави.
 8. П.П.Бушев. История посольств и дипломатических отношений русско-го и иранского государства в 1586-1612 гг. М., 1976, с. 34,

В.Л.Успенский

СТРУКТУРА МОНГОЛЬСКОЙ ХРОНИКИ "ГАНГА-ЙИН УРУСКАЛ"

Историческая хроника "Ганга-йин урускал" ("Течение Ганга") была написана в 1725 г. крупным монгольским историком и филологом гуном Гомбоджабом. Это сочинение дошло до нас в двух списках: один хранится в РО ЛО ИВ АН СССР под шифром F 294 /3, с. 39-44/, второй - в Государственной библиотеке МНР в Улан-Баторе. Фотофакси-